

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СНАЙПЕР», «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных Зон...

*Аркадий и Борис Стругацкие.
«Пикник на обочине»*

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю номинации последнего на вторую Нобелевскую премию по физике за 20... год

— Итак, доктор Пильман, хотел бы прежде всего поздравить вас с номинацией. Как я понимаю, не исключено, что вы станете пятым дважды лауреатом Нобелевской премии за всю историю человечества. И это вполне заслуженно. В свое время я спрашивал вас, не хотите ли вы вплотную заняться чудесными предметами, которые находят в Зонах Посещений. Вы ответили «пожалуй» — и вот результат, вторая Нобелевская премия. Ваши исследования во всех шести Зонах поистине...

— Давайте обойдемся без дифирамбов. Во-первых, от номинации на премию до ее вручения примерно как от Земли до альфы созвездия Лебеда. И, во-вторых, лично я считаю, что практически все мои исследования не стоят и ломаного цента. Мы до сих пор не знаем истинной причины появления Зон на нашей планете. Мы понятия не имеем, что представляют собой на самом деле все эти «пустышки», «ведьмины студни», «черные брызги» и прочие загадочные предметы, которые мы, ученые, называем «материалом» и над тайной которых бьемся уже не первый год. При этом до сих пор ученые всего мира не получили ни единого внятного ответа на кучу вопросов, связанных с ними. Да, мы используем эти артефакты во благо человечества, некоторые из них даже научились клонировать, но что они такое и откуда взялись, до сих пор загадка.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Премии такого уровня не вручают просто так.

— Не смешите меня, юноша. Я всю свою жизнь посвятил науке и, по крайней мере, научился объективно оценивать результаты моих исследований. Так вот, я считаю, что мы по-прежнему ничего не знаем о Зонах. Ни-че-го, кроме того, что они смертельно опасны и, словно поля, отравленные радиацией, исправно приносят урожай в виде странных предметов, многие из которых смертельно опасны для человека.

— Ну, дорогие хармонтцы, думаю, вам не нужно напоминать о феноменальной скромности нашего доктора, которая равна его достижениям в науке. Кстати, не могли бы вы объяснить нашим слушателям, что вы имели в виду, говоря об урожае, который Зоны исправно приносят? Разве артефакты — это не предметы, оставшиеся после Посещений на зараженных землях?

— Именно так. Когда первые исследователи перешагнули границы Зон, они наткнулись на эти самые артефакты. И, естественно, утащили их с собой. С тех пор этот процесс продолжается непрерывно. Согласно статистике, и ученые, и сталкеры в совокупности за первый год после Посещения вынесли из шести Зон, разбросанных по планете, около пяти тысяч артефактов. В настоящее время эта цифра выросла до пятидесяти-шестидесяти тысяч в год. Такое впечатление, что чем больше загадочных предметов выносятся из Зон, тем больше их становится.

— Удивительный факт, удивительные цифры. Господин Пильман, и все-таки не могли бы вы хоть немного приоткрыть завесу тайны перед нашими слушателями? Как вы думаете, какова причина того, что сколько бы из Зон Посещения ни выносили артефактов, они возрождаются вновь в еще большем количестве? Хотя бы предположение?

— По меньшей мере неразумно и в корне непрофессионально тыкать пальцем в небо, не имея хотя бы малейших объективных зацепок. Поэтому пусть меня лишат номинации на премию, но я отвечу честно — не знаю. Я не имею ни малейшего понятия, почему из года в год артефакты в Зонах множатся, словно грибы после радиоактивного дождя. И вряд ли смогу порадовать вас решением этой загадки в ближайшее время, так как за годы наших исследований мы даже на дюйм не приблизились к ней. Как, впрочем, и к многим другим необъяснимым загадкам, которые Зоны Посещений преподносят нам чуть ли не каждый день.

Глава 1

Слепые кварталы

Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка — «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны...

Аркадий и Борис Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Если хорошенько вдуматься, то жизнь наша изрядно похожа на «пустышку». Есть в ней два заметных момента, яркие такие, словно начищенные медные блюдца известного артефакта, который еще называют «гидромагнитной ловушкой» или «объектом семьдесят семь-бэ».

Первый — это когда ты рождаешься и маячит перед тобой пятно света в форме такого вот блюдца.

И последний, когда помираешь. Сталкеры, которые были на грани, но вернулись, говорили, что тоннель сверкающий видели. Ну, в общем, тема известная.

А между этими блюдами — ничего. Пустота. Хоть руку туда суй, хоть башку свою шибко умную. Все равно там пусто. А то, чем ты пытаешься ту пустоту заполнить, — временно и не имеет никакого значения. Уж для «пустышки» точно.

Но бывают исключения.

Это когда тебе везет несказанно и ты находишь «объект семьдесят семь-а». Тоже «пустышку», только полную, с какой-то синей начинкой внутри, переливающейся ве-

лично так, со значением. Кажется, присмотришь повнимательнее — и ухватишь что-то очень важное для себя, смысл бытия постигнешь, поймешь, чего ради живешь на этом свете...

Многие глядели. Лакмусовые бумажки совали. Потом руки. Даже головы. Так и не понял никто, что там за сияние такое. Ну колышется, ну переливается. И ничего более. Никакого нет в нем особого смысла и принципиального отличия от обычной пустоты. В общем, всё как в жизни. Один только манящий свет, а на деле — ничего.

А Кирилл Панов за полную «пустышку» жизнь свою отдал. За мечту. За сияние, от которого нет никакого толку. И если б не я, Рэд Шухарт, рыжий сталкер из Хармонта, жил бы сейчас этот ученый на свете, возился б с артефактами и был счастлив. И Арчи жил бы. И еще многие люди, которых нет больше на свете.

Интересно, а есть ли вообще в Хармонте кто-то, кто не желает смерти Рэду Шухарту? Может, и нет. Но, так или иначе, нужно сделать то, что задумано. А дальше — хоть трава не расти...

По городу шел человек, гоня в голове невеселые мысли. Его можно было понять. С тех пор как на окраине Хармонта обосновалась Зона, город напоминал больного, у которого доктора нашли доброкачественную опухоль. Вроде бы ничего страшного, живешь себе, занимаешься своими делами. Но при этом постоянно помнишь о том, что есть в тебе кусок перерожденной плоти, которая вроде бы как твоя, но в то же время и нет. И которая в любой момент может стать злокачественной.

А недавно опухоль дала о себе знать, осчастливив организм неслыханной благодатью для каждого жителя Хармонта. И тут же на город набросились доктора. Потому что

счастье для всех и каждого — штука заразная, которая если на другие организмы перекинется, то это будет уже эпидемия. Страшная болезнь, которая лечится только целебными ядерными грибами.

И сейчас для того, чтоб предотвратить радикальные меры, Хармонт и Зона, примыкающая к нему, были добросовестно обнесены колючей проволокой в три ряда, кордоном, усиленным пулеметными вышками, блокпостами и бронетранспортерами. Ну и, само собой, военных в город согнали — тьму-тьмущую. В глазах пестрит от камуфляжей, нашивок и разнокалиберного оружия. Правда, стрелять не в кого. Люди из домов выходят только за бесплатной похлебкой, которую военные в химзащите раздают прямо на улицах с полевых кухонь, прицепленных к броневикам. И называется все это «временными мерами, связанными с повышенной опасностью Зоны для мирного населения».

Но Шухарту было наплевать на броневики и военных. У него была цель, простая и очевидная. Ради нее Рэдрик слетал в другое полушарие планеты, прошел там через огонь, воду, плен, рабство и ранение, после которого не выживают. Но он все же смог остаться в живых и вернуться в родной Хармонт*. И сейчас сталкер шел к этой цели, до которой оставалось пройти всего ничего: два дома, потом направо во двор с покосившимся гаражом и облезлой подъездной дверью, которую давно пора перекрасить.

Его не узнавали — он все сделал для этого. На Рэдрике была мешковатая сталкерская толстовка с глубоким капюшоном, купленная в Украине, в маленьком городке неподалеку от тамошней Зоны. Почти все местные сталкеры носи-

---

* О приключениях Рэдрика Шухарта в украинской Зоне можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Сталкер. Закон Шухарта».

ли аналогичные. Такой капюшон хорош тем, что закрывает уши и шею от «жгучего пуха», а лицо — от лишних глаз. Военные бросали на человека настороженные взгляды, но не останавливали. Может, потому, что многие жители Хармонта сейчас прятали лица за козырьками бейсболок и такими вот капюшонами: контакт глазами — это всегда повод для окрика, за которым может последовать все что угодно.

А может, и потому они не обращали внимания, что Шухарт все еще сжимал в онемевшей руке бесценный артефакт, действие которого должно было давным-давно закончиться. Но Рэду очень хотелось верить в чудо — и пока что никто не окликнул его. Может, случайность, а может, и нет — порой Зона щедра на подарки, словно скупая махеча после пары рюмок хорошего коньяка.

Сталкер свернул в знакомый двор, мысленно моля Зону еще об одной милости, словно она была живым существом, способным услышать его. А вдруг услышит? Вдруг сбудется его маленькое счастье — не для всех, все до сих пор сыты им по самую макушку. Не для всех, только для него и трех единственно близких существ, дороже которых нет никого на свете?

— Помоги, прошу! — шептал Шухарт, направляясь к облезлой двери подъезда. Каждый шаг давался ему с трудом, ноги не шли. Ватными стали как-то сразу и вдруг. Но Рэд все равно переставлял их, с каждым шагом приближаясь к цели, ради которой он столько вынес...

До побитых ступенек оставалось всего ничего, когда подъездная дверь скрипнула и на пороге нарисовался управляющий.

С того времени, как Рэдрик видел его в последний раз, ничего в управляющем не поменялось. Как всегда помятый и недовольный, даже потертая курточка с пятном у кармана та же самая. Бывают такие люди, ничего их не берет.

Даже если апокалипсис вселенский случится, только они и останутся. Будут ходить меж руин и скелетов, брезгливо пиная обожженные кости и кривя тонкогубые рты — мол, ничего не поменялось, что до катастрофы было все плохо, что после то же самое.

Правда, когда сталкер оторвал взгляд от ступенек и поднял глаза, в кислой физиономии управляющего случилась серьезная перемена. Глаза округлились, руки затряслись, на бледной, с прожилочками переносице мигом выступили капли пота, хотя день был вовсе не жарким.

— Ми... мистер Шухарт, — дрожащим голосом произнес управляющий. — Я... Я все делал, как вы сказали... Еду носил, воду... Каждый день носил... Они брали редко, но я все равно...

Рэд просто стоял и слушал, сжав в руке «сучью погремушку» с такой силой, что удивительно было, как ценный артефакт еще не рассыпался на молекулы. Управляющий сказал «они брали». Значит, теперь не берут. Значит, Гуты, Мартышки и отца больше нет в квартире на втором этаже. Или же они все еще там, но им больше не требуется ни вода, ни пропитание.

— Где они? — очень тихо сказал Шухарт, усилием воли подавив дрожь во всем теле. Потому что если сказать по-другому, это уже не вопрос будет, а рев звериный, нечеловеческий, страшный...

— Их забрали, — отступив на шаг назад и побледнев, произнес управляющий, хотя казалось, что больше бледнеть уже некуда. — В Институт аномальных зон... Тот, что раньше назывался Институтом внеземных культур... Я не знаю, что с ними было дальше. Туда забрали всех мутан...

Управляющий осекся и отступил еще на шаг, уперевшись спиной в косяк. Дальше отступать было некуда.

— Это ты их сдал, — тускло и скучно произнес Шухарт. Не спросил, а именно констатировал факт, как нечто само собой разумеющееся.

Управляющий смотрел на него, как кролик на удава, трясясь всем телом и не в силах оторвать взгляда. Еще немного, и это существо наложит в штаны, а может, умрет от страха. Потому что даже если ты самая распоследняя сволочь, полностью уверенная в собственной правоте, все равно там, очень глубоко внутри себя сволочизм свой осознаешь. И боишься, что придут к тебе однажды и спросят за всё по полной...

Но сейчас Рэдрику было не до этого слизняка. Конечно, надо бы его раздавить, но ведь потом от вони и гнили отмываться — это время нужно. А вот времени-то как раз у Рэда и не было. Потому что в знакомом старом Институте с новым названием кто-то решил, что семья Шухарта — это мутанты, подлежащие изучению. Что их можно держать в клетках, отрезая небольшие кусочки плоти для биопсии и других полезных исследований. А может, препарировать заживо, как лабораторных лягушек, наблюдая, как реагируют на боль те, ради кого Рэд готов был сам вытерпеть любые, самые страшные мучения.

Бежать было нельзя — внимание привлечешь. Поэтому Шухарт развернулся, надвинул капюшон поглубже, засунул в карманы трясущиеся руки и пошел знакомой дорогой, которой он ходил десятки раз, пока работал лаборантом в Институте внеземных культур. Идти, в общем-то, недалеко. Вышел со двора — и двигай себе прямо по дороге, пока в тот Институт не упруешься... Которому теперь не до внеземных культур. В котором нынче аномальные зоны изучают. И мутантов...

Шухарт сжал зубы, чтобы не завить от бессильной тоски. И ему ясно, что сейчас охраняется тот Институт не в при-

мер серьезнее, чем при капитане Вилли Херцоге. Наверняка оцепление, стационарная охрана на этажах, патрули по двое в коридорах. Ну, скажем, проникнешь ты, сталкер, внутрь, и даже своих найдешь. Вывести получится ли? И куда поведешь ты их, если даже выведешь? Но самое страшное: захотят ли они пойти с тобой, Рэд Шухарт? Помнишь, что тебе Гута сказала на прощание? «Уходи. И больше не возвращайся». А ты вернулся. Со счастьем в кармане, которое запросто может убить тех, кто не хотел больше видеть тебя рядом с собой. Получается, не для них, а для себя ты все это делаешь, Рыжий. Им же только горе приносишь, а сейчас, может быть, и смерть принес жуткую, болезненную, страшную, что покоится во внутреннем кармане твоей толстовки...

Рэд мотнул головой, словно это простое движение могло отогнать сложные, тяжелые мысли, скребущиеся внутри черепа, будто злые кошки. Да, всё так. Да, благодаря ему, Шухарту, город сейчас набит военными, словно заплесневелая буханка тараканами, а в старом Институте творится черт знает что. Но он не мог не идти. Не мог — и все тут. Пусть даже убьют его сегодня, но перед смертью он должен хотя бы увидеть своих. Хотя бы попытаться это сделать...

Сталкер настолько задумался, уставившись себе под ноги, что едва не налетел на «Кадиллак Скаут», раскорячившийся посреди улицы. В последний момент тормознул и круто повернул направо, обходя броневик и не обращая внимания на взгляды двух морпехов, рассеявшихся на броне. Хлипкий кордон, отделяющий Хармонт от предзонника, сняли. Зачем он нужен, когда теперь и город, и Зона — одно целое? Теперь на месте снятого ограждения торчал броневик — впрочем, их теперь на каждой улице Хармонта было как вшей на се- ром рубище недавно умершего бродяги.

— Ишь ты, как его вштырило, — заметил военный, поправляя фильтрующую маску на лице. — Еще немного, и башкой борт бы протаранил.

— А что им остается? — пожал плечами второй. — Я видел такое раньше на подконтрольных территориях. Сначала они выкуривают все свои запасы травы, а потом начинают резать по ночам наши патрули. Мы же без команды не смей даже плюнуть в их сторону.

— Сволочи, шило им в задницу, — пробормотал первый, справившийся наконец с маской. И непонятно было, к кому относились его проклятия — к жителям Хармонта или к начальству, не спешащему отдавать соответствующие команды...

Недовольные комментарии военного Шухарт слышал уже за спиной. До Института оставалось пройти совсем немного — вон его пятнадцатизэтажный главный корпус маячит за деревьями. Совсем чуть-чуть...

Рэд невольно ускорил шаг, даже сбившийся капюшон не поправил — не до того было, все мысли предстоящим заняты.

А зря не поправил...

Из-за угла дома, стоящего возле дороги, вышел подвыпивший мужик в потертой штормовке, на ходу выбивая из пачки сигарету без фильтра. Получалось у него это неважно, поэтому мужик забористо матерился. Но на этом его беды не кончились. После особенно сильного удара пачка вылетела из руки незадачливого курильщика — и шлепнулась прямо под ноги Шухарта.

Мужик матернулся еще раз, коротко и емко, как умеют только в Америке и в России, сделал шаг вперед, поднял глаза... и замер, забыв про потерянные сигареты.

Рэдрик невольно сбавил шаг — чисто для того, чтобы обойти живое препятствие. Но мужик — не смотри, что податый — ловко заступил ему дорогу. Был бы трезвый,